

Георгий Юров

Пророк

Хроники Серединного мира

12+

Георгий Юров

Пророк

«Автор»

2017

Юров Г.

Пророк / Г. Юров — «Автор», 2017

Продолжение цикла рассказов о жизни Серединного мира, возможно просто существующего в другой Вселенной и событиям о которых хочу рассказать может быть ещё только предстоит произойти. Эта книга задумывалась как повесть о добре, любви и Боге - альтернативная история Христианства, какой эта религия могла стать, но не стала в силу определённых причин, превратившись в ортодоксальную догматическую секту. Взгляд по прошествии веков на сотворение мощнейшей идеологической доктрины, во многом определившей развитие человечества. Хотя этот сюжет не есть основным для всей книги, а лишь ответвлением от главного. Вначале книга планировалась как небольшая фэнтезийная повесть, но героев по мере развития сюжета становится всё больше, они живут своей жизнью на страницах рукописи, похоже совсем не считаясь с мой мнением - мнением Бога в собственном мире. Сражаются, влюбляются, умирают, карабкаются к вершине пирамиды власти и падают вниз, а я лишь записываю всё это на компьютер.

© Юров Г., 2017

© Автор, 2017

Георгий Юров Пророк

В нагромождении хаотичной застройки Верхнего города, когда почти вплотную к одному зданию возводилось другое, в скрытых стенами домов, густо заросших высокой травой и порослью молодых деревьев развалинах древнего храма Отвергнутого Бога собралась дюжина одетых в белое мужчин. Вернее застроено всё вокруг было лишь с трёх сторон – с четвёртой руины стояли на почти отвесном обрыве Леи, и солнце, поднимаясь над горизонтом, заливало остатки разрушенного храма. Гонениям подверглись впавшие в немилость жрецы, многие из которых встали на защиту священного огня, горевшего внутри культовых сооружений, и были либо убиты, либо навечно брошены в крепость, но событие, которого они так долго ждали, заставило тех, кто выжил, потерять осторожность. Ведь даже простое упоминание имени Отвернутого Бога, могло повлечь за собою террор. Астарта – Непорочная Дева, новая богиня Добробрана, была милостивой к тем, кто возносил ей молитвы и беспощадной к своим хулителям.

Пол в старом храме тщательно вымели и застелили белым покрывалом, раскрашенным красными и зелёными цветами. Белый цвет по учению Ария – пророка Отвернутого Бога, символизировал чистоту и благость, зелёный – процветание и возрождение, а красный являлся символом воинской доблести.

Бальтазар, последний из оставшихся в живых верховных жрецов, поглядывая на солнце, не торопясь произвёл ритуальное омовение из белого кувшина, что держал совсем ещё юный жрец и, вытерев насухо лицо и руки, приступил к чтению священной книги. Уложенный в железный оклад с медными застёжками фолиант представлял собой толстый пергаменный кодекс длиною в добрых полтора фута и в фут шириной – книгу, написанную на тонко выделанных листах из ослиной кожи. Когда он уставал второй по значимости священник, подхватывал текст заповеди из своего, меньшего по размерам кодекса, стоя лицом к лицу с Бальтазаром, но ни в коем случае не спиной к солнцу и горевшему в чаше священному огню. Все эти люди вели двойную жизнь, все они где-то работали, занимаясь насущными делами, но под мирской одеждой носили подпоясанную шерстяным поясом священную рубаху из цельного куска материи.

Последователи Ария верили, что такое одеяние защищает душу от зла и соблазнов, а кармашек над сердцем является копилкой благодеяний, и старались как можно меньше времени находиться без неё. Шесть каменных чаш с благовонным деревом стояли по внешнему краю храма. Под чтение молитвы Бальтазар зажёл их все от пламени седьмой чаши, огонь которой не гас никогда. Так было уже сотни лет, жрецы умирали от старости или болезней, а огонь так и горел в своей чаше, помня прикосновения рук давно умерших людей.

Время шло к полудню, но безоблачный день не давал света – тень лунного диска медленно, но неотвратимо наползала на солнце, заслоняя его сначала на четверть, потом до половины, пока не скрыла его полностью. И стало вдруг днём темно, как бывает лишь вечером. Стих ветер, замолкли птицы, неслышно стало привычных звуков жизни огромного города – потрясённые люди, бросив дела, испуганно смотрели на небо. В наступившей тишине слышались лишь слова священной книги, что читал больше не глядя в неё Бальтазар, не было надобности в освещении, ведь он за долгие годы выучил текст наизусть. Жрец изменился: в оттенках тревожного света, бросающего на священную рубаху и белую круглую шапочку кровавые отблески, он стал величественнее, а его лицо аскета сделалось суровым и почти таким же безжизненным, как лицо каменной статуи. Он словно стал выше, голос его гремел фразами священной книги, и сделалось жутко и от слов его, и от полуночного мрака, опустившегося на

небо в середине дня. Казалось это жрец силой своей веры, скрыл его от ветреной паствы, ещё вчера возносившей молитвы своему единственному богу, а сегодня отвернувшейся от него.

И люди, глядели испуганно на страшное зрелище, и кто-то видел лишь чёрный круг, а кто-то крылатое солнце с птичьим хвостом и двумя головами чудовищ смотревших в разные стороны. Но те и другие видели в этом знамение и не понимали его. Лишь Бальтазар взирал на него влажными от слёз глазами, читая молитву низвергнутому Богу. Старый жрец верил, что этот день наступит, верил и ждал всю свою жизнь, боясь лишь, что смерть прервёт его ожидание. Потому что знал, что вслед за крылатым солнцем на землю Серединного мира ступит Пророк.

Апрельское солнце падало в бездонную пропасть у края мира, заливая светом небольшую долину, зажатую изгибом реки с одной стороны и лесом с другой. По ней к открытым воротам в крепостной стене возвращался рабочий люд, тянулись повозки, спешили всадники, сопровождая покрытую королевскими вензелями и дорожной пылью карету.

Велик был город Добробран и славен, и страшен Драконьей башней городского острога и местом казни у Касагранды – городского дома собраний. Хотя и звали его иногда Пёстрая Корова, ведь именно она, отбившись от стада дикого племени, спасла жизнь будущего основателя города, вскормив своим молоком. Та история произошла много веков назад, сейчас город сиял в зените славы островерхими шпилями Высокого замка и золочёными макушками храмов Девы-Матери; его заросшие мхом, покрытые боевыми шрамами неприступные стены, высоко уходящие вверх, гордо смотрели сквозь щели бойниц на спешащий укрыться за ними народ.

Уже много лет был мир на земле Добробрана, благодаря мудрой политике вдовствующей королевы Элисандры. Муж ее, король Салозар, умер много лет назад от страшной болезни, за короткое время превратившей пышущего здоровьем нестарого ещё мужчину, настоящего гиганта в прикованную к постели развалину. Выданная за муж за Азорское море дочь Салозара обвинила мачеху в убийстве отца, узурпации власти и навязыванию чуждой веры, приведя легионы мужа на земли Добробрана. Но после долгой кровопролитной войны была разбита в решающей битве в долине Дев, и бежала в Византий на родину мужа, опасаясь расправы. Утвердившись на троне, Элисандра стала править одна, и хотя естественное увядание не обходила её стороной, она всякий раз отвечала отказом, сватавшимся к ней лордам.

Ехавший на ослике молодой человек лет двадцати семи был остановлен одетым в кольчугу и железную каску с широким щитком для носа городским стражником:

– Куда?

– Пусти меня, добрый человек, – ответил путник, глядя в суровое лицо воина и вся процессия на подходе к почерневшему от дождя и солнца подвесному мосту над глубоким рвом, с острыми кольями на дне, замерла и загудела нервно, не понимая причины проволоочки. – Ведь скоро ночь и звери, как обычные, так и двуногие, уже готовы покинуть свое логово.

– Кто таков? – спросил стражник подозрительно, не убирая с дороги копья. – Откуда мне знать, может ты и есть первый разбойник?

– Я не разбойник, – с мягкой улыбкой ответил ему странник. – Я иду по миру, собирая по крупинкам его мудрость.

– Ты либо жулик, либо блаженный. Но мне нет дела до этого, оплачивай городской сбор в две серебряные монеты и въезжай, не задерживая других. Если конечно ты не нищий.

– Я не нищий, я богат духом и с радостью раздаю свои сокровища первым встречным.

– По тебе не скажешь, – хмуро заметил воин, разглядывая собеседника. Тот был среднего роста, худощав, чёрные волосы, схваченные медным обручем, падали ему на плечи. Был он смугл, с узким обветренным лицом и пронизательными карими глазами. Одет в посеревший от времени некогда чёрный плащ с капюшоном, перехваченный в поясе бечевой, а на ногах

носил сандалии из толстой кожи. Позади седока к крупу ослика был приторочен небольшой дорожный мешок.

– Пусти его, солдат, от него не убудет. Я заплачу за него, – сказала стражнику миловидная круглолицая девушка из окна поравнявшейся с ними кареты, протягивая серебро.

– Спасибо, юная леди! – крикнул путник, вслед тронувшейся карете и очередь у ворот вновь пришла в движение, чтобы вскоре раствориться в переулках городских кварталов.

Добрабран был главным городом одноимённого королевства, состоящего из семидесяти с небольшим рыцарских замков, вольных городов и торговых посёлков окрестных земельных магнатов, славных своими осенними ярмарками. Города не обладали отдельным самоуправлением – они также платили налоги и печатали королевскую монету, в чём была их вольность, так это в том, что жители рождались свободными людьми, в отличие от принадлежавших магнатам крестьян, служивших товаром наряду с землёй, недвижимостью и скотом.

Королевство по форме напоминало вытянутый овал, расширявшийся в северной своей части и сужавшийся к югу. На севере оно граничило с домом Рэй Гарда, лишь недавно сформировавшимся как единое государство из пяти некогда лишь формально объединённых королевств. На юге его естественной границей было Азорское море, куда впадала бурлящая полноводным потоком на каменистых порогах Лея, разбиваясь в своей дельте на сотню рукавов, протоков и мелких речек. Красавица Лея давала жизненную влагу южным степным районам, кормила рыбой и хлебом заливных лугов, беря своё начало далеко на севере, в верховья Скалистых холмов, словно нанизывая на себя примерно посередине оба государства. С запада границы королевства обрамляло море, с востока дружественное Азорское княжество, владыка которого поддержал Элисандру во время войны с Византием. За морем лежал уже названный Византий и королевство Ахерон, являвшиеся центром Серединого мира.

Вопреки легенде Добробран предки Салозара не строили, они пришли сюда во время великого переселения, когда лёд метровым слоем сковал их земли, на севере превратив в безжизненные ледяные пустыни. Прежние хозяева города и всех земель от Скалистых холмов на севере до Азорского моря на юге, (цивилизация которых переживала явный упадок, хотя и была гораздо выше, чем у северных племён), особого сопротивления не оказывали, предпочтя присоединиться к тем, кого не могли победить. И возможно, поэтому Добробран, что в переводе с языка исконных жителей, называвших себя леприконсы, означало «город благой веры», не был сожжён и разграблен.

От легендарных времён остался величественный город, равномерно застроенный каменными зданиями с востока на запад. Дома сооружали из прочного материала, зимой удерживавшего тепло внутри, а летом не пускавшего зной. То была не отдельная хаотичная застройка, а цельный комплекс с этажностью, доходившей до пяти и семи этажей. Потолки в домах были высокими, как и дверные проёмы, что подразумевало людей огромного роста. В каждом доме имелись отвод сточных вод и подведение питьевой воды, что казалось невыносимой роскошью привыкшим к кочевым условиям завоевателям.

Постепенно прежнее великолепие сменили руины; высотные здания оказались разобраны, из них новые хозяева города строили неуклюжие постройки, пока со временем не научились делать вполне приличные жилища в несколько этажей, крытых железом и черепицей. Проблема оказалась в том, что камня, из которого были сложены дома аборигенов, не было в округе, всё больше не идущий в сравнение с ним известняк и ракушечник, что привело к окончательному сносу всех прежних строений. Из которых позже выстроили Верхний город и резиденцию королей Высокий замок.

На момент появления северян от бывшего величия народа, населявшего земли Добробрана осталось лишь невнятное эхо. Сам он постепенно вырождался, (ассимилируясь с переселенцами, позаимствовавших не только землю, но и веру прежних хозяев), хотя ещё даже местные

женщины были выше мужчин северян. То были светлоглазые, светловолосые гиганты, веровавшие в единого бога и его пророка, указавшего человечеству путь к праведности и чистоте. Именно бог, которого звали они Гонзо, через Ария своего наместника на земле привёл их сюда, наделив мудростью и семью основами новой веры. Главными из которых были вера в мудрого бога, как в благого творца и в его единственного пророка принесшего людям благу веру и указавшего путь нравственного развития. Он представлялся верующим первосвященником, воином и скотоводом, бойцом, образцовым главой своего дома и покровителем людей всего мира. Проповедь пророка носила ярко выраженный этический характер, осуждала насилие, восхваляла мир между людьми, честность, созидательный труд и утверждала веру в единого бога.

Согласно учению Ария свет (всё равно природный или искусственный), является зримым божественным образом, поэтому желая обратиться к нему, последователи учения становились лицом к свету, представлявшему для них направление молитвы. В большинстве своём уверовавшие в Гонзо являлись огнепоклонниками и потому ночные молебны при свете горящих алтарей по праздникам являлись обычным делом. На новый год, торжественно отмечавшийся в день весеннего равноденствия, огненное море пылающих факелов стекалось к главному храму, у которого читались молитвы одетыми в белые одежды Первосвященниками и приносились жертвоприношения. Священна была не сама постройка, а храмовые огни в ней, как душа в человеческом теле, которые не гасились долгие годы и служители из поколения в поколение поддерживали горящее пламя, одевая на голову специальные маски с прорезями для глаз, дабы не осквернять пламени своим дыханием. У храма с семью мраморными колоннами при входе сидел на земле огромный каменный Гонзо, представлявший собой бородатого лысого старика с непокрытой головою в белой рубахе из цельного куска материи, имевшей ровно семь швов и подпоясанную тонким поясом из семидесяти двух нитей белой овечьей шерсти.

По преданию каменное божество пришло сюда само и село у холма над рекою, с которого потом и начался город, ставший столицей великой империи. Но все империи рано или поздно рушатся, а на смену одним богам приходят другие и теперь на месте каменного истукана стояла колоннада Непорочной Девы, ставшей новой святыней нового Добробрана. А крылатое солнце, символ прошлой веры сменили три фазы луны, как ипостаси трёх жизненных циклов.

Если в давние времена прежние жители придавали большое значение чистоте жилищ и улиц, как и личной гигиене, обустроявая общественные бани, то новых хозяев это, похоже, волновало мало и даже столица королевства, теперь изрядно пропахла нечистотами и смрадом гниющих тел, а ванная комната была далеко не в каждом доме. На главных улицах ощущалось зловоние отхожих мест, задние дворы каменных зданий провоняли дерьмом и мочой; лестничные клетки пропахли гниющим деревом и крысиным помётом, а кухни таверн смердели порченным углём и бараньим жиром. Жители домов выплескивали содержимое ночных горшков и лоханок прямо на улицу, на горе зазевавшемуся прохожему и увернуться от льющих из окон нечистот было не просто. Застоявшиеся помои образовывали смрадные лужи, а неугомонные городские свиньи, которых было великое множество, дополняли картину. Блохи, вши и клопы кишели как в жилищах богатых, так и в домах бедняков.

Ширина выложенной брусчаткой важной магистрали, ведущей к Касагранде или Высокому замку, составляла до восьми ярдов; второстепенные улицы и переулки были значительно уже – не более семи футов, но иногда в Верхнем городе встречались проулки шириною в ярд. Уличное движение составляли три элемента: пешеходы, повозки, животные, ведь от заставы к бойне на Мясном рынке часто гнали стада.

Непрветриваемые комнаты постоялых дворов смердели затхлой пылью, жирными простынями, сырыми пружинными матрасами и едким сладковатым запахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из кожевенных мастерских – едкой щелочью, из боен – свернувшейся кровью. Люди воняли потом и нестиранной одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из их

животов луковым супом, а от тел, если они были уже не молоды старым сыром, кислым молоком и болезнями. Воняла Лея от сливаемых в неё нечистот, воняли площади и базары, воняли храмы Непорочной Девы немытыми телами своих прихожан, воняло под мостами и во дворах. Крестьянин вонял, как и священник, ученик ремесленника – как жена мастера, воняло всё дворянство и даже от королевы пахло старой козой и зимою и летом. В столице, замках, городах и сёлах не существовало ни единого вида человеческой деятельности, ни созидательной, ни разрушительной, ни единого выражения зарождающейся или отмирающей жизни, которую бы постоянно не сопровождала вонь.

Доморощенные пророки и их идеи спасения мира сквозь трансформацию бытия не интересовали Бальтазара. Ему повезло, он родился в богатой семье и, хотя его благосостояние уменьшилось в разы с приходом к власти королевы Элисандры, он всё ещё мог позволить себе не заботиться о пропитании. Днём он бродил по улицам, выискивая что-то необычное в поведении людей, в проповедях бродячих пастырей и хотя не находил, того чего искал он всё ещё не терял надежды.

Вечерами старый жрец обкладывался книгами в свете горящих канделябров, выискивая в них намёки на развитие дальнейших событий. Он просматривал книгу за книгой, лишь ненадолго давая глазам отдохнуть; вечер сменяла ночь, ночь – утро, а ответа на мучающие его вопросы всё ещё не было. Бессонные ночи и проводимые в скитаниях по городу дни сказались на нём; и так не особо полный Бальтазар, похудел ещё больше, черты его обветренного лица заострились, глаза впали – теперь он выглядел не мудрецом и провидцем, а самым обычным полоумным бродягой.

Он вновь и вновь вчитывался в знакомые строки, боясь, что что-то понял не так или неправильно перевёл с языка древних людей на язык Серединного мира. «Неужели я ошибся, и Бог окончательно отвернулся от нас», – думал он, печально глядя на крылатое солнце, изображённое на стене его спальни, и теперь придётся ждать нового знамения, до которого он уже точно не доживёт. День шёл за днём, неделя за неделей и когда надежда стала покидать его, случилось то, чего он так долго ждал и в глубине души боялся.

– Мы нашли, нашли его, Отче! – возбуждённые крики и шум в прихожей нарушили уединение, безрадостные мысли не давали покоя, отгоняя сон, и хотя он забыл теперь, когда спал в последний раз, Бальтазар продолжал бодрствовать, словно в наказание за свою не прозорливость. Торопливые шаги возбуждённо галдящих людей слышались совсем рядом, наконец, дверь в его комнату распахнулась, и внутрь ворвались с полдюжины молодых людей из его окружения.

– Разве так входят в мой дом? – строго спросил старик и Роланд, заводила всей этой группы, высокий худой юноша лет двадцати с побитым оспой лицом смущённо произнёс, пытаясь успокоиться:

– Извини нас, Бальтазар, что мы врываемся к тебе, но дело, дело слишком важное для каких-то условностей. Мы нашли его!

– Это я уже понял, – недоумённо вздохнув, проворчал старик. – Но кто-то может мне объяснить, что, наконец, случилось?

– Им кажется Бальтазар, что они нашли Пророка, – ответил ему входящий обычной для него вальяжной походкой Мельхиор, высокий статный мужчина лет пятидесяти, с которым верховный жрец читал молитву в день затмения. В душе старик недолюбливал его за импозантный вид лорда, за слишком красивое лицо и львиную гриву поседевших волос, эффектно лежащих на его плечах. Всё это вызывало раздражение в душе аскета, меньше всего он хотел видеть своим преемником самовлюблённого павлина.

– То, что им кажется – не повод нарушать мой покой. Если пророк или тот, кого вы приняли за него здесь, вряд ли он покинет город в ближайшее время.

Небольшая толпа человек из тридцати повсюду сопровождала этого явно неординарного человека, которого, пожалуй, больше других можно было принять за пророка. Звали его Валаам, то был мужчина лет тридцати среднего роста, в меру худ и в меру плотен. Он оказывал магическое влияние на людей и тем, кто услышал его однажды, хотелось увидеть его снова.

– Человечество делится на две категории: те, кто стремиться нести миру добро и те, что сеют вокруг себя раздор и ненависть друг к другу. Но услышьте меня: посеявший камень пожнёт бурю!

Благодаря Астарте – Божественной Матери, что дала нам жизнь, мы должны победить ложь и насилие. Мы должны жить праведно, ибо мы – братья и сёстры, вышедшие из чрева той, что незримо присутствует с нами и в радости, и в печали.

– Но язычники северяне утверждают, что это их бог создал небо и землю и всё что находится между ними. Да и мы до недавнего времени славил его в многочисленных храмах, воздавая ему честь и вознося хвалу. Не слишком ли много богов? – спросили насмешливо из толпы и Валаам тут же ответил:

– Нет не много, брат мой – ведь Бог един, как бы не звали его и не изображали из дерева или камня. И я говорю вам: не сотворите себе кумиров, ведь все они лишь камень и дерево, а я пекусь о душе. И если ваша богиня или чей-то там бог учат вас другому, говорю вам: заткните свои уши! Бог не в рукотворных храмах живёт, но в сердцах наших и не требует служения рук человеческих, а только молитвы, которой, вы обратитесь к нему.

– Странные речи ведёшь ты. Эй, стража! – крикнул немолодой мужчина, в богатой одежде увидев идущих по площади солдат. – Этот человек ведёт речи, порочащие Непорочную Деву! Арестуйте его!

– Как можно опорочить непорочную? – спросил его Валаам, не делая попыток скрыться от приближающихся солдат. Остановившись между ними старший караула, кивнул мужчине в богатой одежде как старому знакомому, и тот повторил своё требование: – Арестуйте его, сер, он подвергал сомнению то, чему учит нас Мать-Дева.

– Покажи мне своё лицо – ты кажешься мне человеком, которого разыскивают за тяжёлые преступления, – важно произнёс стражник, разглядывая смутьяна и его товарищи, которые уже изнывали от скуки, заулыбались, предвкушая потеху.

– Смотрите внимательней все, кто хочет запомнить меня, – по-прежнему спокойно ответил, Валаам и вдруг подняв руку, в которой держал шерстяной пояс, спросил: – но сперва ответьте: что видите вы?

– Змея! – завопили люди, отшатнувшись от него, увидев огромную кобру с грозно раздувающимся «капюшоном» на голове. Змея то извивалась всем телом в его руке, то замирала в вертикальном положении, готовясь к атаке.

– Взгляните на меня и скажите, я ли тот человек, которого ищите вы? И не он ли сейчас возле вас? – спросил проповедник, обращаясь к стражам и те удивлённо взглянув на стоящего рядом с ними человека в богатой одежде, тут же схватили его, и повели к городской тюрьме.

– Я уважаемый человек, служу в Касагранде старшим канлерьярмайстером! Вы же прекрасно знаете меня! – с отчаяньем вскричал бедняга, обращаясь не столько к уводившим его солдатам, сколько к привлечённым этими событиями людям, которых становилось всё больше на площади.

Пока стража уводила упиравшегося бедолагу виновник происходящего, ушёл незаметно, вместе со смертельно опасной коброй, не причинявшей ему, однако никакого вреда. Он исчез, растворившись в толпе, и появился вечером в лачугах Нижнего города, где снимал угол у одинокой женщины по имени Мариам, приходившейся дальней родственницей его матери. Ставя на стол нехитрую снедь из овощной похлёбки с куском зачерствевшего хлеба, та сказала утвердительно, хмуро глядя на него:

– Опять сегодня ничего не заработал. Зря ты вернулся сюда, Айвен, здесь давно уже всё изменилось и тебе пора поменяться, только вижу, что слушаешь ты меня, да не слышишь. И ещё вижу – плохо ты кончишь, парень. Сейчас тут всем заправляют Непорочная Дева и королева Элисандра.

– Мне с ними не по пути, Мариам. Ведь ты же знаешь, я дал однажды клятву и останусь ей, верен, пока буду жив.

– Да помню я, – присаживаясь на табурет, вздохнула женщина, не глядя на проголодавшегося родича, с аппетитом уплетавшего похлёбку. – Это всегда было у вас в роду: отец твой сложил голову в одной из бесчисленных битв, присягнув Салозару, мать умерла в нищете, не пойдя на поклон к Элисандре, а в ваших замках сейчас живут её приближённые. Если ты приехал сюда ради мести, то выброси это из головы: плетью обуха не перешибёшь.

– Я приехал сюда потому, что меня прислал Бог...

– Чепуха, – перебила его женщина. – Твои родители не были набожными, да и ты рос без Бога, всё своё время, проводя среди солдат.

– Теперь я вырос, Мариам. Я был тогда словно слепым, а сейчас прозрел – вернее Бог сделал меня зрячим, чтобы смог я открыть глаза другим.

Прошло семь дней, прежде чем человек, называвший себя Валаамом, вновь напомнил о себе. Всё это время он скитался по городу, уходя рано утром и приходя вечером. Мариам подозревала, что на работу он так и не устроился, хотя монеты у него иногда появлялись, ими он расплачивался за жильё и продукты на рынке, из которых хозяйка готовила им обоим еду. И это ещё больше беспокоило старуху.

Однажды вечером она пришла домой, когда Валаам, поужинав, уже ложился спать (он имел обыкновение рано вставать и рано ложиться), и сев на циновку в их единственной комнате запричитала, скорбно качая седой головой: – У соседки дочь умирает, ребёнок десяти лет. Бог забирает её к себе так рано за грехи наши и скольких ещё заберёт. Она выросла у меня на руках, я нянчилась с ней как с собственной дочерью и никогда не думала, что мне придётся её хоронить.

– Ведь она же ещё жива.

– Пока да, но умрёт обязательно; мы бессильны раз на то воля божья, – строго ответила женщина. Она любила несчастную Фейгу, но глаза её оставались сухи – смерть была обыденна и привычна в те суровые времена, и ник-то не знал что лучше, умереть в детстве или жить долгие годы в мучениях.

– Отведи меня к ней Мариам, может быть я как-то смогу ей помочь, – приняв решение, Валаам поднялся на ноги и, сложив кое-что из своих вещей в походную суму, накинул плащ.

– Да разве ты лекарь? – спросила старуха, недоумённо взглянув на него.

– Нет, но значит ли это что мне нельзя исцелять людей?

В доме несчастной Фейги шло приготовление к скорым похоронам. По старому обычаю трупы не предавали земле, дабы не отравлять её продуктами разложения и не сжигали, чтобы не осквернять огонь, олицетворявший собой Бога. По вере предков не было никакой загробной жизни, переселения душ или чего-то подобного, а смерть, будучи конечным маршрутом пути, являлась победой зла над добром и дабы как можно скорее ограничить распространение этого зла человека обычно хоронили в день его гибели.

Обряд погребения начинался с обмывания тела, на него одевали чистую, но старую одежду, поскольку расточительность по древней вере являлась грехом и в железном гробу относили в башню Молчания, которую строили на самой высокой точке за городом. Сверху деревянная башня не имела крыши, чтобы стервятники и вороны могли склёвывать с трупов мясо, затем кости высушивались и складывались в урны внутри помещения. Люди верили, что Гонзо создал этих птиц, дабы помочь душе освободиться от мёртвой плоти. Пол круглой башни являлся своеобразным кладбищем, поделённым на сектора для мужчин, женщин и детей. Труп

укладывали в соответствующий сектор в овальное углубление и привязывали верёвками к крюкам, чтобы птицы не растащили останки. По возвращению домой родственники усопшего в течение трёх дней проводили поминальные обряды, пока душа покойного ожидала божественного суда, и это было лучшей памятью об усопшем, нежели сооружение склепов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.